

Маргарита Борисова

Цена
надежды

18+

Маргарита Борисова

Цена надежды

«Автор»

2022

Борисова М.

Цена надежды / М. Борисова — «Автор», 2022

Когда несчастный случай ставит под угрозу жизнь любимого мужа, Эрика вынуждена заключить брак с бывшим парнем, который искренне ненавидит ее вот уже десять лет после расставания. Сможет ли она спасти жизнь любимого, преодолев свою гордость? Какова истинная цена расплаты за разбитое сердце бывшего и надежды на спасение своей любви?

© Борисова М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маргарита Борисова

Цена надежды

Глава 1

-Ничего не забыл? Ксива, телефон, ключи от дома? – спрашиваю у мужа, и чмокнув его в упругие пухлые губы, готовлюсь закрыть за ним входную дверь.

Ярослав похлопывает по карманам формы и выходит на лестничную площадку.

– Вроде все на месте. Будь умницей, не скучай. Утром увидимся, – бархатным голосом шепчет он мне и, еще раз прижав меня сильными руками к огромному торсу и буквально оторвав от пола, крепко целует, после чего неохотно отпускает и бодрым шагом направляется к лифту.

Каждый раз я невольно люблюсь им – форма полицейского ему идет больше, чем кому-либо другому. Высокий, спортивный, статный и широкоплечий, – именно так и должен настоящий сотрудник полиции. Миниатюрные и худосочные ребята с юными лицами, которых так много встречается в разных подразделениях полиции, выглядят скорее комично, словно ребенок, нарядившийся в карнавальный наряд милиционера на утренник в первом классе. А Ярослав вызывает невольный трепет даже у всех соседей, стоит только ему попасться им на глаза в форме инспектора дорожно-патрульной службы.

В том, чтобы быть женой полицейского, романтики намного меньше, чем стресса. Мой юношеский фетиш насчет мужчин в форме довольно быстро изжил себя, превратившись в бесконечную стирку голубых рубашек, зашивание карманов на форменных брюках и перманентную тревогу за мужа, уходящего в ночные дежурства на охоту за нетрезвыми водителями, коих на дорогах намного больше, чем может себе представить любой вмняемый человек. В свое оправдание могу только сказать, что изначально я влюбилась в простого студента, учившегося на курс старше, а уже потом он вероломно стал инспектором ГИБДД, на удивление, оказавшись именно на своем, словно предначертанном ему самой судьбой, месте.

Закрыв дверь, я отправилась в душ, сделала маску для лица, посмотрела в тысячный раз «Однажды в Вегасе» и, наконец, улеглась спать, не подозревая, что эта ночь навсегда изменит мою жизнь.

Май в этом году выдался невероятно жарким – наш город Н. заполнился клубами тополиного пуха как минимум на целый месяц раньше, чем полагается. Дни настолько знойные, что буквально плавится асфальт, заполняя улицы специфическим запахом битума. И только по ночам на город опускается приятная прохлада, и я могу выключить кондиционер и открыть окна, впуская свежий воздух в спальню.

Эта ночь была такой удивительно тихой, что когда мой телефон завибрировал на прикроватной тумбочке, я буквально подскочила на кровати, резко выпав из крепкого сна. Звонок с незнакомого номера в половину третьего ночи не сулил ничего хорошего. Сердцебиение стало болезненно ощутимым, когда я услышала высокий женский голос в трубке:

– Здравствуйте. Ярослав Романов ваш муж?

– Да, что случилось? – просипела я, глотая ком, застрявший в горле.

– Он поступил в реанимацию, в тяжелом состоянии после ДТП. Приемный покой городской больницы №1.

На этих словах мое сердце рухнуло в пропасть панического страха. Случилось то, чего я всегда боялась. Несколько лет назад в погоне за пьяным водителем погиб товарищ моего мужа: не справившись с управлением, улетел в кювет. С тех пор каждый раз, закрывая дверь за

Ярославом, уходящим на ночное дежурство, я не находила себе места. И только услышав утром звук поворачивающегося ключа в замочной скважине, я могла успокоиться и снова радоваться новому дню. Опасность всегда ближе, чем нам хотелось бы думать.

Через сорок минут я уже была в больнице – в легком тренче, накинутом прямо на шелковую ночную сорочку, и первых попавшихся под руку пантолетах.

Ночные коридоры больницы, залитые искусственным светом, внушали необъяснимую тревогу. Оглушенная собственным бешеным сердцебиением, я на ватных ногах подошла к сестринскому посту, сфокусировалась невидящими от слез глазами на полноватой женщине лет пятидесяти, и спросила:

– Здравствуйте... Ярослав Романов в какой палате? – по телу пробежала дрожь – так всегда бывает от стресса, – и я инстинктивно поежилась, плотнее запахивая тренч.

– Здравствуйте. Романов в реанимации, его ввели в искусственную кому, – спокойно сказала женщина, внимательно глядя на меня своими добрыми светло-голубыми глазами. – К нему пока нельзя.

Любое словосочетание, в котором соседствуют имя твоего близкого человека и слова «реанимация» и «кома», выбивает почву из-под ног. Это то, что никто никогда не хотел бы услышать. Гул в моих ушах усилился и стал просто оглушительно громким. В глазах потемнело: бордовые пятна расплывались так стремительно, что мне пришлось покрепче вцепиться в стойку сестринского ресепшена, уронив флакон с антисептиком. Но этого я уже не видела из-за застилающей глаза темноты. Я только могла расслышать отдаленный грохот и тревожные голоса, теряя связь с реальностью, и всем своим потяжелевшим телом ощущая бессилие в ватных ногах.

Резкий запах нашатыря вернул сознание. Голова трещала. Открыв глаза, я осмотрелась – меня уложили спиной на кожаную скамейку в коридоре, приподняв ноги вверх. Зрение медленно сфокусировалось на той самой медсестре с добрыми прозрачно-голубыми глазами.

– Порядок? Сколько пальцев? – спросила она, показывая мне ладонь.

– Уже лучше, спасибо, – прошептала я, неуклюже пытаюсь подняться.

Обмороки случались у меня и раньше – от стресса, сильной духоты или скачков давления. Это паршивое чувство мне очень знакомо.

– Тебе нечего здесь делать – строго, но по-доброму сказала Любовь Васильевна – так написано на бейджике. – Ничего важного все равно не пропустишь, из комы еще никто за пару часов не выходил. Романов не в сознании... но он такой здоровяк, справится. А сейчас езжай домой, завтра утром поговоришь с главврачом, – она похлопала меня по плечу и побежала ответить на звонок стационарного телефона.

Уехать домой я не могла. Приехать в квартиру и снова, как ни в чем не бывало, лечь спать, как будто моя жизнь не сломана таким ударом, словно тонкий штакетник щедрым пинком, – было выше моих сил. До утра я просидела на кожаной скамейке в коридоре больницы, пока не уснула под утро, когда уже начало светать.

Разбудил меня тихий голос Любовь Васильевны:

– Просыпайся, спустишься на первый этаж, в кабинет главврача.

Размяв затекшую от неудобного положения шею, я поднялась и тихо спросила Любовь Васильевну:

– Как он?

– Без изменений, – опустив глаза, ответила он.

Я не могла не обратить внимания, что медсестра сменила белый халат на обычную одежду – брюки и футболку. Значит, ее ночное дежурство уже закончилось. Я глянула на дисплей айфона, вытащив его из кармана плаща – 8:12 утра.

В кабинете главврача Ирины Альбертовны было прохладно и уютно. Женщина выглядела настолько ухоженно, будто ее основная деятельность связана с косметологией или индустрией красоты: высокая прическа, длинные острые ногти неприемлемой для работы за компьютером длины, губы, раздутые филлерами и покрытые плотной алой помадой, наращенные ресницы. И ноль какого-либо человеческого сочувствия в глазах. На контрасте с такой яркой женщиной я, не накрашенная и бледная, выглядела как провинившаяся старшеклассница в кабинете директора.

– Состояние вашего мужа тяжелое. Большая кровопотеря и травма головы... – по мере того, как главврач подробно описывала его диагнозы и травмы, я снова почувствовала, как теряю связь с реальностью. Голос звучал глухо, и половину ее слов я просто не могла слышать из-за собственного пульса, пробивающего грудную клетку.

– ... К сожалению, в нашей больнице нет оборудования для трепанации, а пациент в его состоянии не транспортабелен. Единственная возможность сохранить жизнь – привезти оборудование для проведения операции вместе со специалистом из Москвы, а это не бесплатно, разумеется. Государственные квоты на данный вид хирургических вмешательств не предусмотрены, поэтому это возможно только на коммерческой основе...

– Насколько коммерческой? – спросила я, буквально затаив дыхание от ужаса в ожидании суммы, которую услышу через секунду.

– Поддержание работы мозга в нейрохирургическом отделении интенсивной терапии обходится примерно в 56 тысяч рублей в неделю. Но через четыре-пять месяцев необходима будет операция стоимостью около 17 миллионов рублей, – вот тут-то я и подавилась собственной слюной, невольно закашлявшись.

– Успешность операции не гарантируется и составляет пятьдесят процентов, если вы понимаете, о чем я, но другого способа попытаться сохранить жизнь пациенту в данной ситуации нет. Так что подумайте о целесообразности...

– Целесообразности?!? – хрипло закричала я. Соленые слезы катились по моему лицу, затекая в рот. Для вас это просто работа, я понимаю, но не говорите мне о целесообразности. Это не проект и не инвестиция, это мой муж! – я уже захлебывалась рыданиями, когда Ирина Альбертовна подошла, и откатив меня облаком удушающе сладкого парфюма, начала аккуратно выталкивать из своего кабинета.

– Я понимаю ваши чувства, но это все, чем мы можем вам помочь, – говорила она дежурным тоном со стальными нотками в голосе, выпроваживая меня за дверь. Мне, конечно, стоило бы понимать, что врачи, наверняка, со временем, утрачивают эмпатию к пациентам и их рыдающим родственникам, но в такой тяжелый момент меньше всего хочется слышать, как о жизни твоего самого близкого человека говорят с позиции рентабельности, да еще и таким обыденным тоном, будто о покупке чашки кофе в автомате. «Подумай, прикинь, действительно ли твои финансовые риски стоят того? Он ведь все равно может не выжить» – вот, что означали ее слова.

Глава 2

Через два дня, когда состояние Ярослава стабилизировалось, и его перевезли из реанимации в палату интенсивной терапии, мне разрешили навещать его в приемные часы – с пяти до семи вечера.

Зайдя в палату, я обомлела – вместо привычно загорелого от работы на улице и крепкого мужчины на кровати лежал осунувшийся, бледный словно тень, Ярослав, весь увешанный катетерами и проводами, подключенными к пищащим экранам. Его голова была перебинтована, под глазами – темные синяки, во рту трубка с кислородом. Лишь тяжелое мерное дыхание нарушало тишину в палате. Я подвинула к кровати пластиковый стул и села рядом, сдерживая подступившие слезы. Хотя я и знала, что он в коме и потому вряд ли слышит меня, мне не хотелось показывать ему свое отчаяние. Я прикоснулась к его руке – огромные кисти с выступающими венами стали непривычно прохладными. Его руки – это то, что меня всегда безумно заводило в нем: большие, теплые в любую погоду, чуть шершавые с тыльной стороны от постоянных тренировок в спортзале, с длинными крупными пальцами и красивой формы ногтями. Только я одна знала, какими нежными и осторожными они могут быть.

Поглаживая его безвольно лежащую кисть, я прошептала:

– Я сделаю все, чтобы ты жил.

Мы с Ярославом познакомились в университете, когда учились на одном – дорожно-строительном – факультете. Девчонки всегда обращали на него внимание, что неудивительно – высокий, спортивный, с выраженными литыми мускулами, кареглазый. Если бы у Ченнинга Татума и Джейсона Момоа мог родиться общий сын, это был бы мой Ярослав. Он уже в студенчестве был одним из тех парней – уверена, вам такие встречались, – которые заполняют своей бешеной энергетикой все пространство, в котором находятся. В их глазах словно полыхает огонь, но не сжигающий все живое вокруг, а согревающий, окутывающий и гипнотизирующий. Уже первого свидания было достаточно, чтобы понять, что эти прожигающие страстью глаза и ямочки на щеках – именно то, чего мне не хватает для полной картины жизни.

Я никогда не мечтала о раннем замужестве и наслаждалась вниманием парней, полагая, что хочу взять максимум удовольствия от своей условной свободы, хотя грань дозволенного моральными принципами никогда не переходила. Не знаю, в чем секрет моей привлекательности, но внимания мне всегда было более, чем достаточно. Увы, в моем лице нет ни капли аристократической утонченности, как, например, у Кейт Миддлтон, зато всегда была классическая, почти «хрестоматийная», врожденная женская сексуальность – большие голубые глаза, чуть вздернутый нос, пухлые губы, блондинистое каре. При миниатюрном росте достаточно длинные ноги и выраженные изгибы тела – «песочные часы» мне достались от мамы. Этакая смесь тела Дженнифер Энистон с лицом Скарлет Йохансон, но в холодном, «нордическом» исполнении.

Скорее всего, ничего не удивительного в том, что первый красавец факультета обратил свой взор на меня, не было. Но за красивой картинкой «идеальной пары» скрывалось много разных нюансов, которые нам приходилось преодолевать – например, родственники Ярослава, особенно его родная старшая сестра Жанна, не особо прониклись ко мне симпатией и не упускали возможности наглядно это продемонстрировать. Мы с мужем часто ссорились по мелочам, с трудом шли на уступки. Он частенько выходил из себя, и нашу ругань, скорее всего, слышали все соседи. Даже по истечении десяти лет отношений я не была уверена, что люблю его в том самом, «поэтическом» смысле слова. Ну, знаете, той самоотверженной любовью, которую показали в «Дневнике памяти» или «Привидении». Любовью, которая сильнее обстоятельств, времени и даже смерти. Я расценивала наш брак как вполне удачный союз двух подходящих

друг другу людей – полное совпадение в жизненных целях, постели, чувстве юмора, отношении к быту. Никаких розовых соплей о вечной любви. Сплошная прагматичность.

Все изменилось в ту ночь, когда патрульная машина попала в дорожно-транспортное происшествие.

Этот несчастный случай заставил меня осознать, что без Ярослава я не хочу ничего, даже есть – хотя я такой страстный поклонник вкусной еды. Без него ни в чем нет ни смысла, ни удовольствия, ни радости. Наверное, это и есть самая настоящая любовь, когда тебе страшно смотреть в будущее без этого человека.

Всю следующую неделю после аварии я занималась тем, что искала любые способы раздобыть деньги на операцию. Парадокс в том, что я всегда легко относилась к деньгам и утверждала, что счастье не в них. Но когда от их наличия зависит жизнь родного человека – все твои мысли крутятся только о том, где разыскать нужную сумму. Моя зарплата была настолько мала, что ее едва хватало на мои повседневные нужды – главным добытчиком в семье всегда был Ярослав. Я работаю контент-менеджером в салоне красоты своей подруги Алины. Фотографирую работу бьюти-мастеров, выкладываю рекламные посты в соцсети. Конечно, для выпускницы-краснодипломницы престижного технического ВУЗа это не самая идеальная работа, но зато здесь график у меня свободный, да еще и творческое направление, связанное с эстетикой и фотографией – моими главными увлечениями.

Алина – моя лучшая подруга с первого курса. Красивая, яркая, с огненно-рыжими волосами и пухлым фигуристым телом. Она человек с невероятной энергией и уверенностью в себе. Думаю, именно это позволило ей после универа заняться профессиональной депиляцией вместо дорожно-строительной инженерии, и за короткий срок от уровня мастера-«надомника» подняться до собственного салона красоты, в котором я бываю часто, как на полноценной работе. У Алины есть пятилетняя дочь, которая родилась недоношенной и не совсем здоровой, после шести неудачных беременностей. На лечение и реабилитацию Алинка тратит огромные деньги, но, несмотря на это, она была первой, кто сделал свой вклад в сбор на операцию Ярослава.

Мои и его родители отдали все свои накопленные долгими годами сбережения – и даже это было каплей в море относительно требуемой суммы.

Я разместила посты с просьбой о помощи в своих соцсетях, вытащила из нашего сейфа все, что мы накапливали на отпуск. Выложила на сайт-барахолку все, что имело хоть какую-то ценность – две свои норковые шубы, дорогой нишевый парфюм. Сдала в ломбард все украшения, за исключением наших обручальных колец. Продать квартиру я не могла юридически – она в совместной собственности, да еще и ипотеке. В бухгалтерии ГУВД на мое обращение мне с удивительным хладнокровием ответили, что страховка родственникам сотрудников выплачивается только в случае смерти, а «пока он жив – не полагается». В благотворительных фондах деликатно сообщили, что приоритет при распределении фондовых средств отводится тяжелобольным детям. Я вспылила:

– Неужели вы считаете, что жизнь ребенка ценнее?? Может быть, он вырастет наркоманом и не доживет даже до четырнадцати? Почему жизнь взрослого сотрудника полиции не столь ценна?!

Потом, разумеется, извинялась и плакала, чувствуя, что буквально схожу с ума.

В один из дней, которым я уже потеряла счет, в дверь позвонили. Я открыла и увидела Олега – напарника Ярослава, который был за рулем патрульной машины в ту злополучную ночь. У него на лице было несколько царапин, а запах перегара не мог перебить даже парфюм, которым он предусмотрительно обильно полился.

– Привет, Эрика – виноватым тоном поприветствовал он.

– Привет, – я попыталась ответить максимально бодро.

– Все эти дни я места себе не находил, – зато прекрасно находил бутылки с алкоголем, – подумала я, но промолчала. – Это ведь я был за рулем в ту ночь... Крутанул руль на скорости, занесло...

– Не кори себя, всякое случается, – ответила я.

Я и так была на сто процентов уверена, что за рулем патрульной «Шкоды» в тот момент находился не Ярослав, иначе такого точно бы не случилось – он водит как настоящий профи. А вот его напарник Олег настолько бездарный водитель, что о его выходках ходят байки среди личного состава. Например, о том, как он заталкивает патрульную машину в служебный гараж вручную, так как не умеет ездить задним ходом. Ярослав почти после каждой смены рассказывал мне забавные случаи о водительских навыках Олега, и они казались смешными. До тех самых пор, пока один из них едва не стал смертельным для моего мужа.

– Мы всем взводом скинулись, на лечение Ярику, – Олег протянул сложенный вдвое конверт, – Там немного, конечно, но пригодятся, возьми.

– Спасибо, деньги нам сейчас нужны как никогда, – ответила я, сдерживая усталый вздох.

В конверте от сослуживцев оказалось чуть меньше ста тысяч рублей – хватит почти на две недели интенсивной терапии. Но 17 миллионов, требующихся для операции, мне еще предстояло где-то найти.

Глава 3

Через месяц активных поисков и бесконечного круговорота мыслей, я уже была настолько вымотана, что с трудом могла узнать себя в зеркале. Привычные пятьдесят килограмм моего веса превратились в сорок, глаза на похудевшем лице выглядели уже пугающе большими. Скулы впали так, что никакие модные операции по удалению комков Биша не дали бы такого эффекта. Веки и губы припухли от постоянных слез. Казалось, что еще немного, и щеки под глазами заржавеют. Appetit пропал окончательно. Чтобы не потерять способность двигаться от бессилия, я невероятным усилием воли запихивала в рот по половине йогурта утром и вечером, не ощущая вкуса. Через месяц ко мне на выходные приехала мама из соседнего города, в котором я выросла до переезда в Н. для учебы в университете, и просто ужаснулась. Она наругала меня за то, что я настолько сильно исхудала, что мои обтягивающие шорты превратились в такой оверсайз, что только сила крепкого ремешка могла удержать их на талии. Мама наварила мне целую кастрюлю вкуснейшего борща, но через неделю после ее отъезда я, к своему стыду, обнаружила, что уровень его нисколько не уменьшился, и любезно поделилась с Рыжиком – охранником ближайшей автостоянки. Он с таким аппетитом умял большую миску борща, что я невольно позавидовала его прекрасному настроению.

Моя мама – удивительная женщина. В ней столько энергии и жизнелюбия, что, кажется, она могла бы заряжать девайсы, как беспроводная зарядка – стоит только приложить к ней айфон. Несмотря на пенсионный возраст, наличие хронических заболеваний и в целом непростую судьбу – она излучает такой свет, который освещает судьбу всех ее близких, коллег и даже соседей. Когда я приезжаю к родителям в гости, и мы все вместе едем на дачу, через пару часов активной работы на жаре я уже отползаю в тень на негнувшихся ногах, держась за поясницу, а мама продолжает полоть, окучивать, поливать до самого вечера, буквально не присев ни на минуту. При этом она успевает еще подбежать ко мне со стаканом воды и помахать на меня веером, хотя я позиционирую себя как помощницу. Помощница, от которой больше забот, чем помощи. Мама вышла замуж в девятнадцать лет и живет с папой всю свою сознательную жизнь, при том, что поклонников в силу ее красоты, не угасающей с возрастом, всегда было хоть отбавляй. Глядя на нее, я перестала бояться старения – красивая женщина притягивает заинтересованные взгляды в любом возрасте. Просто поклонники из молодых парней постепенно превращаются в импозантных мужчин с благородной сединой.

Мама уверила меня в том, что я обязательно справлюсь. Я и сама понимала, что в такой момент – пожалуй, тяжелейший за всю мою тридцатилетнюю жизнь, – никто, кроме меня, не сможет спасти жизнь моего мужа. Больше всего на свете мне хотелось бы сесть к нему на колени, зарыться носом в шею и рассказать о том, как мне тяжело. А он бы привычным жестом погладил меня на спине и тихонько прошептал своим бархатным голосом: «Не переживай, я разберусь». Но он не разберется. Настала моя очередь разбираться с проблемой. Ради него.

Глава 4

С каждым приходом в больницу я замечала, как меняют цвет синяки на лице и теле Ярослава, и отрастает его русая щетина, превращаясь в бороду. Это напоминало о том, что время идет неумолимо, не останавливаясь ни на секунду, не давая возможности перевести дух, собраться с мыслями. До операции оставалось примерно два месяца – слова врача о том, что если не сделать ее своевременно, мозг начнет постепенно умирать, – фоновым шумом стояли у меня в ушах круглосуточно. За два месяца я должна найти семнадцать миллионов рублей. Сумма, превышающая стоимость нашей евродвушки в новостройке как минимум в четыре раза.

Когда я набрала в строке поисковика айфона «продать почку на черном рынке» и увидела картинки, всплывшие по запросу, меня словно окатило ледяной водой. Нет, если я сойду с ума, о Ярославе никто не позаботится. Нет, это чистое безумие. Никаких черных донорских рынков. Ярослав бы никогда не позволили мне даже думать о подобных способах заработка. Я что-нибудь придумаю.

Я села за стол и выписала на лист бумаги всех людей, к которым могла бы обратиться по денежному вопросу. Список оказался намного скуднее, чем я могла представить, но отступить я не собиралась.

Итак, первый, кому я позвонила, был мой школьный бойфренд Влад. Да, это может показаться странным, но мы до сих пор вполне нормально, хоть и редко, общаемся. Все наши бурные юношеские любовные перипетии остались в далеком прошлом, и общение закономерно вошло в нейтрально-дружескую плоскость. Влад был самым популярным парнем школы, как обладатель смазливой лица, высокого роста и состоятельных родителей. Сейчас у него дела шли прекрасно, семейный бизнес родителей он унаследовал и приумножил, был женат и воспитывал двоих детей. Периодически он обращался ко мне с мелкими просьбами, связанными с профессиональной деятельностью моего мужа – грамотный гаишник всем бывает нужен – проверить на штрафы, уточнить информацию и прочими. Я никогда не отказывала, и Ярослав спокойно отвечал на все вопросы, не погружаясь в безосновательную ревность – она была совершенно не в его характере. И вот настало мое время обратиться с просьбой к старому приятелю.

– Влад, привет, поговорим? – выпалила я в ответ на басистое приветствие после гудков.

– Да. Эрика, я тебя слушаю, – его добродушный тон меня подбодрил, но начать разговор оказалось сложнее, чем я думала. Я ходила по комнате как заведенная – от стены к стене.

– Влад, у меня беда – мой муж оказался в больнице, ему требуется дорогостоящее лечение. Ты мог бы помочь... ну... хоть какой-нибудь... суммой? Я буду безмерно благодарна, – я замерла в ожидании ответа, а он, как назло, медлил.

– Хм... Сочувствую твоей беде, надеюсь, он выкарабкается... Большую сумму я, конечно, не смогу тебе дать, сама понимаешь, у меня ведь двое детей, им постоянно что-то нужно, кружки, развитие, аттракционы, растут как сумасшедшие, одежду покупаем по два раза за сезон... Да еще и машину жене решил сменить к осени, – вот эту болтливость я в нем просто не переваривала. От мужчины ожидаешь конкретики, а не увлекательных рассказов на темы, которые никому, кроме него, не интересны. – Тысяч двести смогу дать, не больше, – тут я облегченно выдохнула. Это мало, конечно, но лучше, чем ничего.

– Это было бы замечательно, я так признательна! – мой голос поднялся на тон выше, я буквально подпрыгивала от воодушевления. И тут он уверенным тоном добавляет:

– Под сорок процентов годовых, под залог птс машины. У вас же все та же машина, что и была? Хонда?

Меня словно ударили черенком лопаты по голове со всего маху. Я открыла рот, но ни звука не смогла извлечь из своего горла. Слова, сказанные им вполне обыденным тоном, кру-

тились в моей голове как взбесившаяся карусель. Конечно, я не слишком надеялась на безвозмездную помощь, но условия, которые он озвучил, были намного более кабальными, чем даже обычный кредит. Нет, все-таки он нисколько не изменился – красавчик, который в старших классах приглашал меня на свидания в кино за свой (мой) счет, теперь заученной скороговоркой готов загнать человека, оказавшегося в трудном положении, в еще более глубокое болото нужды и долгов.

– Спасибо, Влад. . . . Я подумаю еще над твоими условиями. . . . Перезвоню, если что. Пока, – пробормотала я.

– Звони, я всегда рад помочь, ты же знаешь – прозвучало в ответ как самая изощренная издевка.

Следующим в списке был Антон Андреевич Чернышевский. Когда я после универа недолго работала в отделе дорожного хозяйства администрации города, мы были коллегами. Антон старше меня на пару лет, но за последние годы получил такой впечатляющий карьерный рост, что из простого специалиста вырос в замглавы администрации города. Об этом я узнала из новостей, когда увидела его интервью. Человек, занимающий высокий пост и имеющий власть, наверняка имеет и деньги. Это такая же закономерность, как то, что за ночью наступает день.

Антон всегда был любителем красивых девушек. Когда мы работали вместе, я была его главной мишенью: он постоянно намекал на близкое общение, открыто флиртовал, даже зная о том, что я замужем, не давал прохода в коридорах городской администрации. Пойти к нему на личный прием с мольбой о помощи сейчас – значит быть готовой к самым разнообразным поворотам сюжета – либо он вообще не станет со мной разговаривать, либо предложит что-нибудь постыдное в обмен на деньги. Но я была готова ко всему.

Ради сегодняшней встречи я надела не ставшие привычными шорты и майку, а короткое красное в мелкий цветочный принт платье на запах, на завязках вокруг талии, с глубоким v-образным вырезом и коричневые сандалии на пробковой танкетке с двумя тонкими ремешками, открывающими изящную, тонкую ступню. Уже перед выходом пришлось впопыхах накрасить ногти на ногах алым лаком, прямо не снимая босоножек. Я знаю, что Антон – педант, и он заметит любую мелочь.

Пекло сегодня просто эталонно июльское. Кожаный руль в моей Хонде ЦРВ так сильно нагрелся, что прикасаться к нему было больно, как к тлеющим углям в мангале. Тончайшее вискозное платье моментально прилипло к спине и ногам. Но ничто не могло меня остановить.

Кое-как припарковавшись у здания городской администрации, я вошла в большое прохладное, уложенное мраморной плиткой фойе. Но разбежалась я напрасно – только миновав входные двери и рамку металлоискателя, я уперлась в грудь охранника с суровым лицом и волосами, тронутыми сединой на висках.

– Девушка, вы куда? – хриплым басом спросил он, вовсе не профессионально осмотрев меня с ног до головы.

– Я к Антону Андреевичу Чернышевскому, у меня назначено, – максимально уверенным тоном ответила я, неловко запахивая глубокий вырез на платье.

– День личного приема у него в следующую пятницу, и по предварительной записи, – строго произнес охранник.

– Нет-нет, я не на личный прием, я корреспондент, у нас назначено короткое интервью по поводу. . . мм.. состояния улично-дорожной сети Центрального района. Там сейчас ведется капитальный ремонт ливневой канализации, ну вы знаете. . . , – я тараторила настолько быстро, насколько могла, в надежде, что здоровяк просто зависнет от потока речевой информации. И – о, боже! – это сработало.

– Второй этаж, кабинет 24, – через пару секунд понуро пробубнил он, неохотно отходя в сторону и открывая мне путь к широкой лестнице.

В большой просторной приемной меня удивленно встретили сразу две пары глаз – секретарш Чернышевского. Одна женщина лет пятидесяти, а вторая совсем молоденькая девушка – обе в строгих блузках, наглухо застегнутых до самой верхней пуговицы. Здесь вранье про интервью точно не прокатит, уж секретари точно в курсе графика его встреч и выступлений. Пришлось достать из глубин скромности припрятанную на такие случаи наглость.

– Добрый день, Антон Андреевич у себя? – спрашиваю, одновременно продвигаясь к двери с его фамильной табличкой.

– Да, но он занят сейчас, по какому вы вопросу? – тоненьким голоском уточнила молоденькая брюнетка. Эх, Антон все еще предпочитает брюнеток, готова поспорить, что эту девчонку он сам выбирал в качестве своей секретарши.

– По личному, – выпалила я и быстро влетела в его кабинет, захлопнув дверь изнутри и быстро повернув ключ. Через секунду ручку двери подергали с обратной стороны, и я похвалила себя за предусмотрительность. Теперь осталось повернуться лицом к тому самому человеку, ради которого я обманом и наглостью преодолела этот путь.

– Ух ты, вот это гостя... – буквально присвистнул Антон, когда я повернулась к нему лицом, все еще стоя у двери. Мурашки пробежали по моему телу, то ли от прохлады его кабинета, то ли от его оценивающего взгляда, медленно поднимающегося от самых пальцев моих ног до губ, покрытых липким блеском.

– Привет, – мой голос на выдохе прозвучал на тон ниже, чем обычно, – Извиняюсь за такое эффектное появление, – я еле заметно улыбнулась.

– Проходи, присаживайся, – он отложил свой телефон и жестом указал на стул, приставленный к удлиненной стороне его массивного стола. Сделав пять шагов, я плюхнулась на кожаный стул с высокой спинкой.

– Выпить хочешь? Чай, кофе, вода, мартини? – обходительно спросил Антон, подойдя к бару.

– От воды не откажусь, спасибо, – спокойно ответила я. Пока он наливал воду из кулера, я не могла отвести взгляд от его тела. Он заметно возмужал и стал выглядеть как воплощение эротической фантазии любой офисной работницы – высокий, подтянутый, с настолько развитой мускулатурой, что белая рубашка едва не лопается на рукавах. Светлые брюки выгодно обтягивают его крепкие ягодицы. Волосы с бронзовым отливом уложены на бок, на широком запястье поблескивают стильные золотые часы на кожаном ремешке. Мощная шея обрамлена упругим воротником белоснежной рубашки. Такой же белоснежный ровный зубной ряд обнажается, когда он улыбается своими четко очерченными губами. Чтобы не пялиться на его рот, опускаю взгляд на линию челюсти, но и это не помогает отвлечься. В прохладном воздухе кабинета витает еле уловимый аромат его дорогого парфюма. Весь образ Чернышевского буквально кричит о том, что он холостяк, и что его привлекательность – это результат целенаправленной работы над собой, долгих тренировок в спортзале и посещения лучшего барбера. Ни один женатый парень не сможет выглядеть так, после работы уплетая три блюда, любовно приготовленные женой.

Сексуальная внешность Антона, дополненная его вкрадчивым баритоном с хрипотцой, словно создана для того, чтобы соблазнять впечатлительных девушек, чем он, не сомневаюсь, успешно пользуется. Нарушить производимый эффект гипноза может только холодный, почти презрительный взгляд его голубых глаз, но, нужно отметить, встретиться с ним взглядом почти невозможно – он откровенно рассматривает женщин с ног до головы, блуждая по телу не выше рта.

Через пару секунд на стол передо мной опустился стеклянный стакан, до краев наполненный холодной водой. Я невольно улыбнулась:

– Спасибо, но моя жажда не настолько сильна.

– Правда? Тогда что же тебя привело ко мне? – спросил Антон, сфокусировавшись на ложбинке, чуть выглядывающей в вырезе платья. Мне захотелось закатить глаза, но я кое-как сдержала себя.

– Честно говоря, я пришла попросить помощи, – призналась я, отхлебнув воды из стакана. Мой близкий... родственник попал в больницу, и мне нужны деньги на его операцию. Много денег...

Опершись мощными руками на стол, Антон чуть склонился в мою сторону и спокойно, размеренно произнес:

– Мне очень жаль. Но я. Не занимаюсь. Благотворительностью. Увы.

Я шумно выдохнула. Это все было зря. Нужно искать деньги в другом месте. Ничего не ответив, я начала подниматься со стула, но Антон, в два шага преодолев расстояние между нами, встал со спины и положил тяжелые теплые руки на мои костлявые плечи, усаживая меня обратно на стул.

– Но ты, дорогая, могла бы не просто попросить у меня деньги, а предложить мне что-то такое, за что я сам захочу тебе заплатить.

Его руки начали медленно и нежно массировать мои плечи, но расслабиться не получалось – наоборот, я сжалась как глиняный комок от прикосновения чужих, пусть и таких умелых, рук.

– И что я могу тебе предложить? – отрывисто спросила я, уже примерно понимая, что он скажет.

– Что может предложить красивая девушка, ворвавшаяся в мой кабинет посреди рабочего дня с пустыми руками? Разумеется, себя. И только, – обыденным тоном произнес он. Я все еще не могла пошевелиться. Еще пять минут назад мне казалось, что я настроена решительно и готова услышать от него все, что угодно. Но когда услышала – потеряла дар речи.

Он подошел к своему столу, снял трубку стационарного телефона и деловито скомандовал: – Юля, меня не беспокоить следующие полчаса.

Потом грациозно прошагал к кожаному дивану, стоящему у стены за моей спиной, и вальяжно уселся на него, широко расставив ноги. Ткань брюк обтянула его объемные спортивные бедра.

– Ну же, не бойся, иди ко мне, – он похлопал по своим бедрам, приглашая меня присесть.

Все, что мне стоило сделать в тот момент – встать и уйти, но отчаяние и ложная надежда на возможность получить необходимые деньги заставила меня подойти к нему и встать прямо между его расставленных ног.

Глядя ему прямо в глаза сверху вниз, я начала медленно развязывать тоненькие тесемки вокруг талии, удерживающие запашные передние полочки платья. В голубых глазах Антона вспыхнул такой огонь, что по моему телу пробежала дрожь. Он обхватил своими большими руками мои ноги чуть выше колен и стал медленно гладить их, поднимаясь к ягодицам. Распахнув платье и оставив его висеть на плечах, я невольно подумала: «Хорошо, что на мне новое белье, а не любимый застиранный хлопковый комплект». Вожделенно рассмотрев мое кружевное молочное белье, Антон почти рыкнул, притягивая меня животом к себе. Крепко держа меня за талию, он принялся жадно целовать мой живот, пупок, кожу над поясом трусиков. Чем сильнее он распался, тем громче мой внутренний голос начинал кричать прямо где-то надо ухом: «Что я делаю? Что я делаю? ЧТО Я ДЕЛАЮ???» Какого хрена я пришла к нему в этом платье? На что я рассчитывала, попросив деньги у этого человека? Он ведь даже может вообще не заплатить. Он не миллионер, а всего лишь муниципальный служащий. С чего я решила, что он богат и щедр? Даже если и заплатит мне пару тысяч, какой с них толк? Разве стоят они этого позора?

Из размышлений меня выдернул резкий притягивающий рывок. Антон одним движением усадил меня верхом на его бедра. Ткань в его паху уже настолько вздулась, что сомнений

в его дальнейших намерениях не оставалось. «Возможно, мне сейчас будет очень больно, – не переставала думать я, – ведь у меня не было секса уже почти три месяца, и сейчас я не смогу возбудиться настолько, чтобы все прошло как по маслу. Сначала больно, потом стыдно – вот чем все закончится».

Антон, увлеченный собственным вождением, уже грубо целовал мою грудь, пытаюсь языком стянуть ткань лифчика вниз и обнажить сосок. Руками он крепко удерживал меня на своих коленях, словно боясь, что я могу внезапно прыгнуть с них. Перейдя страстными, почти болезненными поцелуями на мою шею и линию челюсти, он выпрямился, пытаюсь достать до губ, но я отклонилась назад, не позволяя ему дотянуться до них. Торопливо, трясущейся от возбуждения рукой он протиснулся между нашими телами к своему ремню. Щелчок ремня – вот что отрезвило мое сознание, словно резкий вдох нашатыря после обморока. Я мягко, но уверенно оттолкнула его от себя, положив руки на мощные плечи. Он взглянул меня расфокусированным, затуманенным взглядом:

– В чем дело? – не без раздражения спросил он, глядя мне в глаза.

– Деньги вперед, – прошептала я, собрав в кулак остатки уверенности в себе.

– Что? – усмехнулся он. – Деньги получишь, если мне все понравится, – он даже не пытался скрыть самодовольной улыбки.

– Тебе не понравится, ведь я не профессионал в этой... сфере, – злость разливалась по моим венам раскаленной лавой. Сердце стучало так громко, что я почти не слышала собственного голоса.

– Значит, тебе придется сильно постараться, – промурлыкал он и снова прильнул губами к моей шее.

Внутри меня поднимался настоящий вулкан эмоций. Страх обратился в ярость, которая только нарастала с каждой секундой и требовала немедленного выхода на поверхность. Я ненавидела его, себя, этот кожаный диван и эту жизнь. Мне хотелось разрушить в этом кабинете все, до чего только можно быть дотянуться. Резким рывком я оттолкнула Антона от себя, злобно прошипев «Да пошел ты!», вскочила с его коленей и кинулась к входной двери, даже не запахнув платье.

– Детка, да брось, я заплачу тебе сейчас, вернись! – его голос звучал в паре метров позади меня, но так глухо, словно из соседней комнаты. Меня оглушало собственное сбивчивое дыхание. Когда повернув замок, я выскочила в приемную, на ходу запахивая платье, секретариглянули на меня ошалелыми глазами. Примерно таким же взглядом проводил меня тот самый седой охранник в фойе. Быстро отстукивая шаги по мраморному полу, я все еще не до конца разобралась с завязками платья. Возможно, кто-то увидел мое нижнее белье, но мне быть плевать. Да и белье новое, не стыдно.

Усевшись в раскаленный от жары салон машины, я закрыла все двери кнопкой на подлокотнике, хотя никто и не думал меня преследовать. Не думаю, что Чернышевский выскочил бы вслед за мной с расстегнутым ремнем и в спущенных штанах. Боже, теперь секретари будут бояться оставаться с ним наедине. Зато девушку, выбегающую из кабинета замглавы администрации в распахнутом платье, будут обсуждать еще долго. Вот черт, пришла без приглашения, да еще и опозорила старого знакомого на его работе. Вдруг у него теперь будут проблемы из-за меня? Ой, да и черт с ним! Это мысль меня почему-то рассмешила настолько, что я залилась звонким хохотом до слез, который постепенно превратился в беззвучные рыдания на раскаленном руле.

Через пару минут мой телефон завибрировал, оповещая о входящем сообщении. Утерев заплаканные глаза тыльной стороной руки, которая все еще хранила аромат парфюма Чернышевского, который теперь казался нестерпимо отвратительным, я взглянула на дисплей. Мобильное приложение банка сообщало о переводе 500 рублей от Антона Андреевича Ч., сопровождаемом комментарием: «Детка, захочешь получить остальное – вернись» с подмиги-

вающим смайликом. «Вот ведь жадный ублюдок!» – подумала я, бросив айфон на пассажирское сидение, и повернула ключ зажигания.

Глава 5

За те два месяца, что я ежедневно посещала Ярослава в больнице, мы здорово подружились со старшей медсестрой отделения Любовью Васильевной. Я часто останавливалась у поста, чтобы поговорить с ней о Ярославе и не только. Она одна из тех немногих знакомых мне медиков, которые, несмотря на огромный стаж работы в медицине, сохранили способность к эмпатии и эмоциональный интеллект. Она подбадривала меня и говорила, что Ярослав «держится молодцом». На самом деле я понимала, что за последние два месяца никакого улучшения его состояния не наблюдается, но ее слова было так приятно слышать. Все решит операция на мозге, но для того, чтобы ее проведение стало возможным, мне нужно продолжать поиски денег.

Странно, но за два месяца ежедневного посещения больницы я ни разу не пересеклась там с родственникам Ярослава – его родителями и сестрой с ее семьей. Не то, чтобы мы испытывали друг к другу такую сильнейшую неприязнь, что даже не желали видаться друг с другом. Но и какого-то душевного родства, позволяющего одновременно сидеть в палате Ярослава, тем самым разделив момент общей боли, у нас тоже не было. Единственным связующим звеном моего общения с этими, неплохими в общем-то, людьми был мой муж. Поэтому сейчас, когда он был не в сознании, у меня не возникало ни малейшего желания разделить с ними свои переживания, и это, судя по всему, было взаимно. Я приходила навестить Ярослава ровно к пяти часам. А его родственники – Любовь Васильевна мне рассказала – к половине седьмого, пару раз в неделю.

Сегодняшним вечером, после встречи с Чернышевским, я сидела рядом с постелью Ярослава и все никак не могла начать диалог. Каждый день я говорила с ним, рассказывала, как прошел мой день, но сегодня мысли путались, снова и снова возвращая меня к картинкам распянутого платья и чужих жадных поцелуев на моем теле. Хотя ответом на мои реплики всегда было только мерное пиканье приборов и шум в кислородной трубке, сегодня эта тишина казалась оглушающей. Осуждающей. Будто он знает о том, что я натворила, точнее, пыталась натворить.

– Знаешь, ты будешь смеяться, но я едва не совершила такую невероятную глупость, – тихо прошептала я, словно ожидая какой-то реакции от человека, находящегося в глубокой коме. – Но все-таки не совершила. Я буду действовать дальше, и обязательно найду выход. Ты еще будешь мной гордиться, когда придешь в себя, – в ответ тишина и пиканье экрана.

– Не буду скрывать, Ярослав, я немного нервничаю из-за того, что времени до операции остается все меньше. Хотя нет, если честно, я просто в панике, – в глазах защипало, но расплакаться рядом с Ярославом я не могла себе позволить, – Ты даже не представляешь, как мне нужен твой совет сейчас. Что бы ты сделал на моем месте? Уверена, ты бы смог решить эту проблему. Куда мне еще обратиться? Хотя бы приснишь и подскажи, прошу, – я содрогнулась от всхлипа. Тяжесть ответственности буквально придавливала меня к земле, подкашивая ноги. Но сдаваться я не планировала.

Утро выдалось удивительно жарким – в 8 утра, когда я выезжала с парковки во дворе дома, термометр на панели приборов уже показывал 26 градусов. День обещал быть поистине знойным.

Я приехала к автосалону, специализирующемуся на продаже и выкупе подержанных автомобилей, за пятнадцать минут до открытия, удивительно быстро преодолев традиционные утренние пробки. Мне не терпелось показать свою машину менеджеру и узнать, какую сумму можно выручить за нее, благо, по документам собственником тачки была именно я.

Менеджер по выкупу – пухлый мужчина маленького роста с модной стрижкой – долго осматривал мою Хонду, заглядывал в салон, изучал документы, частенько поглядывая и на меня – видимо, пытаясь по лицу оценить степень моей тупости в знаниях автомобилей и отчаяния, которое сыграло бы ему на руку. При рыночной цене в миллион двести пятьдесят я рассчитывала получить за Хонду хотя бы миллион. Эта сумма, конечно, не решит мою проблему с поиском денег, но будет хорошим стартом на пути к цели. Ведь деньги притягивают деньги. Вслед за каждой внушительной суммой приходит еще более внушительная – верить в это хотелось как никогда.

Видимо, от девушки-блондинки менеджер Станислав не ожидал такой осведомленности в плане соотношения цены и состояния автомобилей, поэтому лениво пробубнил после тщательного осмотра:

– Ну... с учетом всех недостатков... мы сможем предложить тысяч шестьсот, не больше.

От услышанного я едва не раскрыла рот. Такое бесцеремонное обесценивание чужого имущества просто за гранью наглости. Когда речь идет об автомобилях, я чувствую себя вполне уверенно, так как прекрасно разбираюсь все всем, что с ними связано. Но заложник стереотипов Станислав, безусловно, не был готов к тому, что миниатюрная блондинка шарит в тачках не хуже него самого и может ездить на всем, у чего есть колеса. Пытаясь сдержать эмоции, я спросила уверенным тоном:

– Позвольте узнать, о каких недостатках речь? У моей машины нет ни единого крашеного элемента, комплектация максимальная, честный пробег чуть больше ста тысяч за десять лет и регулярное обслуживание у официального дилера всю ее историю существования. Какие такие недостатки вынудили вас оценить эту машину менее чем в половину рыночной стоимости? Может недостаток не у машины, а у вас, и зовется он жадностью?, – я так распалилась, что бедолага Станислав стусевался от моего напора.

– Сколы на переднем бампере... , – он ткнул пальцем на скол синего лако-красочного покрытия размером со спичечную головку.

– Вы это серьезно?? – меня уже было не остановить. Возмущение пылало во мне таким огнем, что в горле стало горячо и липко. – То есть скол бампера, который можно убрать обычной полировкой, оценивается в шестьсот тысяч рублей? Послушайте, Станислав, – я с таким усилием тыкнула ему в бейджик, что он сделал полшага назад, – да, признаю, я человек, нуждающийся в деньгах, но не идиотка. Цена этой машины минимум миллион рублей уже со скидкой.

Менеджер начал заметно нервничать, утер взмокший от яркого солнца лоб рукой и раздраженно произнес:

– Хотите продать за миллион – выставите объявление на сайт и ждите. А срочный выкуп происходит на наших условиях. Если нужны деньги уже сегодня – соглашайтесь на то, что предлагаем.

– Хорошей вам работы, – процедила я, уже садясь в машину. Как бы там ни было, продавать свое единственное ценное имущество за бесценок я не стану. Еще одна надежда лопнула как мыльный пузырь, оставив меня наедине с круговоротом мыслей.

Глава 6

– Я уже не знаю, к кому обратиться. Я просто в отчаянии, – тихо пробормотала я, болтая чайный пакетик в кружке и наблюдая за тем, как вода приобретает нежный зеленой оттенок. В салоне красоты мы с Алиной частенько пили чай и болтали в перерывах между ее клиентами. Чай с мятой и мелиссой – единственное, что могло сподвигнуть меня съесть еще и булочку или печенье.

– Отчаянием делу не поможешь, – деловито отозвалась Алинка, выхватив меня из глубокой задумчивости. – А что, если попросить помощи у Арсения? – на звуке этого имени я впиалась в нее шокированным взглядом. Она лишь хитро вскинула бровями, отхлебнув чай.

– Ты, наверно, шутишь? После такого некрасивого расставания и десяти лет полного игнора надеяться, что он мне поможет? Помнишь, на встрече выпускников факультета пять лет назад он даже ни разу не взглянул в мою сторону. И на поздравления с днем рождения ни разу не ответил, – по руке непроизвольно пробежала дрожь – ощущение, что кто-то на тебя обижен настолько, что ненавидит уже десять лет – не самое приятное, но почти осязаемое кожей.

– Ну а почему бы и не попробовать? Он сейчас человек состоятельный, директор собственной фирмы. Да и благотворительность бизнесменам на пользу – можно от налогов откосить, – не унималась рыжая бестия с диким огоньком в глазах.

– Ты бы стала помогать хоть какому-нибудь из своих бывших?

– Я? Никогда в жизни. Но я человек плохой, а он-то хороший.

– Мы не знаем, какой он теперь человек. Десять лет прошло, – одна мысль о том, что я приползу с мольбой о помощь к Арсению, вызывала легкий тремор в конечностях.

– Ну, хочешь, я ему напишу и спрошу? – добродушно предложила Алина. Я обожаю ее за смелость и прямолинейность. А еще за искреннее желание помочь – такое встречается нечасто даже в кругу самых близких родственников, не говоря уже о друзьях.

Я не могла сдержать смеха:

– То есть ты через десять лет напишешь Арсению смску с просьбой о семнадцати миллионах для мужа его бывшей, ради которого она его и бросила? Отличный план, подруга, – мы с Алиной рассмеялись, хотя ситуация в целом была больше трагичной, нежели комичной.

– Ты права, такое не подходит, – со смехом ответила она. – Лучше давай ты сама ему напишешь.

В дверях салона появилась клиентка, и мы, быстро убрав кружки с чаем в тумбочку, занялись каждый своим делом: Алинка приступила к электропилиции, а я написала новый пост в ее рабочий профиль, попутно раздумывая о том, что Алина, возможно, права, и попробовать все-таки стоит.

Арсений Викторович Волков – полное имя парня, с которым я встречалась целый год на втором курсе университета. Он учился на два курса старше, был не по годам серьезен и умен – пока все остальные студенты подрабатывали грузчиками и барменами по ночам, Арсений уже трудился на полставки на кафедре и делал курсовые проекты на заказ тем, кто подрабатывал грузчиками и барменами.

Высокий, стройный, симпатичный парень типажа Райана Рейнольдса, с русыми волосами и чайно-зелеными глазами, он уже после первого свидания очаровал меня своей доброй улыбкой и скромной, ненавязчивой заботой. Наши романтические отношения развивались невероятно медленно, просто невыносимо медленно – даже для моего благопристойного темперамента. Он поцеловал меня только через две недели ежевечерних свиданий – и то, скорее, это я его поцеловала, буквально зажав в углу крыльца подъезда после того, как он проводил меня домой после очередной прогулки. К своему разочарованию, достаточно быстро в пове-

дении Арсения я обнаружила такую непробиваемую эмоциональную холодность, с которой было очень трудно смириться. Мне, восемнадцатилетней глупой девчонке, захлестываемой эмоциями и гормональными всплесками – до одури хотелось каких-то кинематографических страстей, поцелуев до потери пульса, ярких разборок с последующим бурным перемирием, но вместо этого всего я получала лишь букеты, стихи, признания и обогреватель в холодное время года. Мои попытки соблазнить Арсения и лишиться уже, наконец, девственности – тоже успехом не увенчались. Он вполне адекватно в физиологическом смысле реагировал на мои ласки, но дальше не продвигался – словно не хотел торопиться. А я, возвращаясь со свиданий в насквозь мокрых трусах нетронутой, ощущала себя недостаточно желанной. В силу юного возраста и неопытности в подобных вопросах я не могла завести с ним откровенный разговор на эту тему. Сказать, что пора уже перейти на следующую базу, открыть шлагбаум, поехать на зеленый... Чрезмерная серьезность и основательность Арсения меня угнетала. Он рассуждал о браке и семье, и меня это отпугивало. Перспектива провести остаток жизни в браке с человеком, по лицу которого никогда не поймешь, какую эмоцию он испытывает в данный момент, оказалась для меня не слишком привлекательной.

Когда через год отношений с Арсением я встретила Ярослава, меня словно вихрем закружила его бешеная энергетика. Лед зеленых глаз сменился на огонь темно-карих. Мы с Арсением расстались по смс. Я написала ему, что больше не хочу с ним встречаться. Сейчас я, конечно, осознаю, насколько подло было прекращать отношения таким образом, но тогда, в девятнадцать, я не придавала такого значения парням в принципе – мимолетные встречи и легкие расставания были частью моего плана испытать разные эмоции, «повыбирать» из мужчин подольше, чтобы выбрать лучшего. Кто же мог представить, что все поиски закончатся на Ярославе. После расставания я пыталась общаться с Арсением в дружеском ключе, как со всеми предыдущими бойфрендами, но не удалось – на сообщения с днем рождения он не ответил пару лет подряд, и я больше стала пытаться. А на встрече выпускников факультета даже не взглянул в мою сторону, будто бы случайно каждый раз поворачиваясь спиной или боком, тем самым не давая мне возможности даже встретиться с ним взглядом. Весь масштаб его обиды мне стал понятен только тогда: если мужчина даже через пять лет после расставания, будучи женатым и успешным в бизнесе человеком, не желает даже поздороваться – дело плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.